

Михаил Дебольский*

ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВНА МУХИНА КАК ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ПСИХОЛОГ

Аннотация. Рассматривается вклад В. С. Мухиной в развитие пенитенциарной психологии, а также ее роль в организации социального взаимодействия осужденных женщин с детьми, пожизненно осужденных и др. Автор делится личными воспоминаниями о встречах с В. С. Мухиной, начиная с ее выступления в 1976 году и заканчивая многолетней совместной работой над проектами ФСИН. Подчеркивается важность психологической подготовки сотрудников службы исполнения наказаний и правоохранительных органов, а также необходимость внедрения психологов в систему исполнения наказаний. В. С. Мухина активно участвовала в разработке моделей взаимодействия с осужденными, что было описано в нескольких монографиях, во множестве научных статей, где были использованы и осмыслены такие термины, как «застывший стресс», «тюремный аутизм» и др. Отмечается, что участие Валерии Сергеевны в проектах ФСИН было обусловлено совпадением научных интересов и жизненных ценностей, что подтверждает ее стремление к исследованию и психологическому сопровождению даже тех редких категорий населения, которые попали в специфическую жизненную ситуацию.

Ключевые слова: пенитенциарная психология; проекты ФСИН России; психологическое сопровождение осужденных; психологическая готовность; практическая психология; осужденные женщины с детьми; пожизненно осужденные; застывший стресс; застывший аффект; тюремный аутизм

Для цитирования: Дебольский М. Г. Валерия Сергеевна Мухина как пенитенциарный психолог // Развитие личности. 2025. № 4. С. 56–68. DOI: 10.31862/2073-9788-2025-4-56-68.

Abstract. The article examines V. S. Mukhina's contribution to the development of penitentiary psychology, as well as her role in organising social interaction between

* **Дебольский Михаил Георгиевич** – кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и права Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ), один из организаторов создания психологической службы ФСИН России и ее первый руководитель (2000–2010), полковник внутренней службы в отставке. Коллега Валерии Сергеевны.

convicted women and children, prisoners serving life sentences, etc. The author shares personal memories of meetings with V. S. Mukhina, beginning with her speech in 1976 and ending with many years of joint work on FPS projects. The importance of psychological training for employees of the penal system and law enforcement agencies is emphasised, as well as the need to introduce psychologists into the penal system. V. S. Mukhina actively participated in the development of models of interaction with convicts, which was described in several monographs and numerous scientific articles, where terms such as “frozen stress”, “prison autism”, and others were used and interpreted. It should be noted that Valeria Sergeevna’s participation in FPS projects was due to a coincidence of scientific interests and life values, which confirms her desire to study and provide psychological support even to those rare categories of the population who find themselves in specific life situations.

Keywords: penitentiary psychology; FPS projects; psychological support for convicts; psychological readiness; practical psychology; female convicts with children; life sentences; frozen stress; frozen affect; prison autism

For citation: Debolsky M. G. Valeria Sergeevna Mukhina as a Penitentiary Psychologist. *Development of Personality*. 2025. No. 4. Pp. 56–68 (in Russian). DOI: 10.31862/2073-9788-2025-4-56-68.

Валерию Сергеевну я впервые увидел и услышал ее яркое выступление в роли оппонента при защите диссертации моего коллеги по аспирантуре (адъюнктуре) в Академии МВД СССР еще в далеком 1976 году. Позже, защитившись и работая преподавателем в этом вузе, на первых занятиях по психологии служебной деятельности практиковал показ нашим слушателям замечательный фильм Валерии Сергеевны «Я и другие». И хотя его смотрели не юные студенты, а опытные капитаны и даже полковники внутренней службы, он вызывал у слушателей живой интерес, ибо позволял наглядно понять психологические закономерности восприятия другого человека, влияние группы на индивида, конформизм. А главное, фильм служил хорошим стимулом для осознания важности изучения закономерностей психологии для успешной служебной деятельности. От психологической подготовки руководителей правоохранительных органов в дальнейшем зависело, насколько восприимчивы будут возглавляемые ими органы и учреждения к появившейся уже тогда новации – введению должности практического психолога.

Непосредственно я познакомился с Валерией Сергеевной в конце 1990-х годов в Институте развития личности РАО, при обсуждении одной из диссертаций по профилактике девиантного поведения несовершеннолетних осужденных. У Валерии Сергеевны было много вопросов, связанных с исполнением наказания, и к диссертанту, и ко мне как оппоненту и представителю уголовно-исполнительной системы. Я пообещал уважаемому профессору, что предоставлю ей возможность побывать в исправительном учреждении и непосредственно ознакомиться с его деятельностью. Хочу отметить,

*Первая встреча
с Валерией Сергеевной*

*Непосредственное
знакомство*

что это обещание основывалось не только на межличностных отношениях, но и на правовых. В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством (статья 9, УИК РФ), участие представителей общественных и иных организаций в социальной, воспитательной, просветительской работе с осужденными рассматривается как одно из средств их исправления, поэтому важно было привлечь к сотрудничеству столь авторитетного ученого.

Вскоре, как руководитель психологической службы ФСИН России, я предложил Валерии Сергеевне стать научным консультантом проекта по организации

Предложение стать научным консультантом проекта

совместного проживания осужденных женщин, имеющих детей в доме ребенка при исправительной колонии (ИК). Традиционно осужденные-матери посещают своих детей лишь в свободное от работы время, а мы отработывали модель, когда мать проживает со своим ребенком до трех лет совместно в отдельной

комнате, утром будит ребенка, ухаживает за ним, одевает и отводит к воспитателю в группу перед уходом на работу; вечером снова занимается с ребенком и укладывает его спать, просыпается ночью, если ребенок плачет. Естественно, что только при такой модели взаимодействия матери и дитя появляются объективные предпосылки развития у ребенка привязанности к матери, а у матери формируются подлинные материнские чувства. В публикации уже 2016 года Валерия Сергеевна рефлексировала, «как все начиналось», и пишет: «Михаил Георгиевич настоятельными доводами и уговорами убеждал меня принять участие в этом проекте» [1, с. 140]. Валерия Сергеевна приняла предложение, хотя эксперимент проходил в относительно удаленном регионе – в Республике Мордовия. На нужную станцию (Потьма) московский поезд прибывал в четыре утра, и еще около часа надо было ехать машиной до поселка, в котором находились Управление ФСИН, гостиница и колония. Но Валерию Сергеевну это не остановило. Все, кто ее знал, понимают, что принять какое-либо предложение Валерия Сергеевна могла только в том случае, если это предложение совпадало с ее жизненными ценностями, научными интересами и, по ее мнению, могло принести пользу другим людям (в данном случае осужденным женщинам и их детям).

Валерия Сергеевна вникла в ментальность осужденных женщин, изучала их личные дела, характеристики, предоставленные психологами и воспитателями,

Валерия Сергеевна глубоко вникла в личные дела осужденных женщин

наблюдала за их общением с детьми; проясняла довольно интимную информацию – мотивы и обстоятельства зачатия и рождения ребенка, так как встречаются случаи нежеланного ребенка в связи с изнасилованием или разводом супруга или случаи корыстной мотивации, так как женщины с малолетними

детьми могут по решению суда получить отсрочку исполнения наказания или рассчитывают получать определенные льготы в условиях содержания. Валерия Сергеевна лично проводила занятия с «мамочками» (так ласкательно остальные осужденные называют женщин, имеющих детей, и наоборот – относятся с пренебрежением, если видят, что кто-то не уделяет внимания своему ребенку), демонстрировала приемы оказания психологической помощи детям посредством

использования различных игрушек, в том числе разработанных ею терапевтических кукол. Приходилось проводить занятия и с сотрудниками дома ребенка, ибо некоторым воспитателям и няням было удобнее забрать у матери плачущего ребенка и успокоить, чем ожидать пока это получится у осужденной. Колония существует давно, поэтому неслучайно произошла ситуация, получившая широкий общественный резонанс, когда вновь поступившая молодая женщина с радостью произнесла: «Наконец я прибыла на свою малую родину, где родилась...» – а затем, уже она сама освобождалась с ребенком из этого же учреждения. Большое внимание в работе уделялось восстановлению социальных связей с близкими родственниками.

Экспериментальная работа продолжалась два года. Было зафиксировано, что дети, проживающие совместно с мамами, развиваются более успешно, не отстают в развитии от своих сверстников на свободе; у осужденных-женщин также стали более отчетливо формироваться материнские чувства, осознание причин совершенного преступления, ответственность за судьбу своего ребенка, реалистичнее стали планы на будущее. Не стало случаев, когда мать, освобождаясь из колонии, писала заявление об отказе от ребенка или совершала это деяние спустя некоторое время после освобождения. Опыт ИК № 2 УФСИН России по Республике Мордовия, направленный на развитие детско-родительских отношений, был одобрен ФСИН и стал постепенно внедряться в других учреждениях. В 2015 году ФСИН России приняла целевую программу с выделением средств финансирования, направленную на обеспечение возможностей совместного проживания матерей со своими детьми во всех домах ребенка. В настоящее время она реализована. Имеется возможность организовать совместное проживание осужденных-матерей с детьми при домах ребенка в 13 исправительных учреждениях, расположенных во всех федеральных округах Российской Федерации. Приятно осознавать, что профессор Валерия Сергеевна Мухина стояла у истоков научного обеспечения эксперимента по организации новой модели деятельности дома ребенка при женских исправительных колониях [2].

В соответствии с Федеральным законом от 13 июня 2023 г. № 211-ФЗ, возраст пребывания детей в доме ребенка при ИК увеличен до четырех лет. Накануне принятия этого закона проводилась психолого-педагогическая экспертиза проекта. Я поинтересовался мнением Валерии Сергеевны по данному вопросу. Ответ был однозначным: содержать ребенка вместе с мамой как можно дольше. Она еще раз подтвердила, насколько важно личное участие матери в развитии и воспитании ребенка. Когда я осмысливал роль профессора В. С. Мухиной в теоретическом обосновании и апробации новой модели функционирования дома ребенка при ИК – совместного проживания матери с ребенком, у меня возникла мысль предложить руководству ФСИН России установить на здании дома ребенка при ИК УФСИН России по Республике Мордовия мемориальную доску с указанием ФИО ученого и ее заслуг в оптимизации детско-родительских отношений в столь сложном ведомстве.

*Экспериментальная
работа продолжалась
два года*

*Содержать ребенка
с мамой как можно
дольше*

**Исследование личности
пожизненно
осужденных**

И все же главный вклад Валерии Сергеевны как специалиста по пенитенциарной психологии связан с исследованиями личности *осужденных к пожизненно-му лишению свободы*. А начиналось все с того, что после окончания проекта в доме ребенка генерал-майор внутренней службы Владимир Павлович Краснокутский, возглавлявший в ту пору Управление Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Мордовия, в благодарность за проделанную работу предложил Валерии Сергеевне посетить два достаточно уникальных учреждения – исправительную колонию № 22, где отбывали наказание иностранные граждане, преимущественно африканцы, проживающие на территории нашей страны и осужденные за разного рода преступления (в основном за сбыт и распространение наркотических средств), а также исправительную колонию строгого режима № 1, а там – Участок пожизненного лишения свободы. Валерии Сергеевне было интересно ознакомиться с условиями содержания иностранных граждан в отечественной исправительной колонии, с особенностями учета их ментальности в воспитательной и психологической работе; но совершенно другой познавательный интерес и иные эмоциональные переживания вызвало посещение участка для пожизненно осужденных. Она вспоминала, что с большим напряжением и волнением переступила порог длинного узкого коридора, по обе стороны которого расположены камеры для осужденных. На металлических дверях был «глазок», открывавшийся только сотрудниками службы безопасности, чтобы посмотреть, что происходит в камере, прежде чем открыть дверь, а также небольшое закрывающееся окошко, через которое подавали осужденным пищу и которое получило у них название «кормушка». На каждой двери также висела небольшая табличка, на которой были указаны ФИО содержащихся там осужденных, статья и главное – краткая фабула совершенного преступления. Все осужденные отбывали наказание за неоднократное убийство и другие особо тяжкие преступления. Это напрягало и заставляло даже сотрудников не расслабляться, постоянно проявлять внимание и бдительность, общаться только в конвенциональной (жестко регламентированной уставом) форме. Валерия Сергеевна писала, что при передвижении по коридору ее ноги стали словно «налитые чугуном, еле передвигались... Возвращаясь назад по мрачному коридору, я внезапно остановилась: меня вдруг озарили неожиданное побуждение и мысль: “Я буду с ними работать! Как психолог”» [1, с. 141]. Валерия Сергеевна высказала эту мысль начальнику Управления, и он одобрил будущее сотрудничество, длившееся вплоть до ухода профессора В. С. Мухиной из жизни. Можно утверждать, что уже в тот момент Валерия Сергеевна осознавала, что ее миссия в работе с осужденными – не только прояснить, как они дошли до последней черты человечности – лишения жизни ни в чем не повинных людей (незнакомых и близких, пожилых и детей, мужчин и женщин), и не только понять, что они чувствуют в настоящее время, описать их психическое состояние, но и оказать им посильную психологическую помощь, поддержать и развить человечность. Личность, как часто говорила Валерия Сергеевна, амбивалентна. «У них, – преступивших социальные запреты, – борются амбивалентные чувства, их терзают амбивалентные помыслы, в их

сознании существуют амбивалентные мысли... Как у всех у нас – у людей... Но у них все находится под прессингом невыносимой доли – пожизненного осуждения...» [3, с. 149].

Уже проработав с осужденными 15 лет, Валерия Сергеевна, рефлекслируя на свой опыт работы с осужденными к пожизненному лишению свободы, писала:

**Психологическое
принятие пожизненно
осужденных**

«Чтобы решиться оказывать психологическую поддержку этим бедолагам, надо психологически принять их такими, какими они стали на момент их осуждения, со всеми их личностными особенностями» [1, с. 151].

И далее, развивая эту мысль, она отмечает необходимость доверительного общения с осужденными и трудность этой миссии: «Если есть готовность помочь – помощи. Главное – желание подсобить, помочь и поддержать честным отношением и доверительным общением. При этом нет нужды заискивать перед ними или занимать позицию надменного праведника. Тяжелый труд – понять другого, кто совершил гнусное преступление, сочувствовать ему в его грехопадении и нынешней доле; попытаться помочь ему *выживать в заданных условиях*» [Там же, с. 152].

Главный труд Валерии Сергеевны, в котором представлены основные результаты ее работы с осужденными к пожизненному лишению свободы, – это монография

**Отчужденные:
Абсолют отчуждения**

«Отчужденные: Абсолют отчуждения» [3]. В ней обобщены материалы работы за восемь лет, частично публиковавшиеся в каждом номере журнала «Развитие личности», начиная с 2003 года.

Я задаю себе вопрос: как удалось Валерии Сергеевне столь глубоко вникнуть в психологию осужденных к пожизненному лишению свободы и внести существенный вклад в развитие пенитенциарной психологии? Полагаю, что ответ следует искать прежде всего в ее концептуальном подходе в понимании истоков и механизмов развития личности. Валерия Сергеевна неоднократно утверждала: «Моя позиция состоит в признании трех факторов, определяющих развитие личности: это предпосылки (*генотип*), условия и внутренняя позиция. Реально, преступное поведение, как и законопослушное, в большей степени детерминировано внутренней позицией самого человека» [3, с. 153]. Она солидарна с позицией одного из основоположников отечественной юридической психологии и автора ценностно-нормативного подхода к изучению личности преступника А. Р. Ратинова. Он писал, что личность преступника отличается от личности законопослушного человека прежде всего общим негативным содержанием ценностно-нормативной сферы [4, с. 3]. Валерия Сергеевна подтвердила результаты исследования других отечественных ученых, что личность преступника отличается от законопослушных граждан устойчивыми психологическими особенностями: импульсивностью, агрессивностью, гиперчувствительностью к межличностным отношениям, отчужденностью, плохой социальной приспособляемостью [5, с. 43], – а также дополнила перечень отличительных психологических черт правонарушителей, выявленных на основе обследования осужденных к пожизненному лишению свободы: «идентификация с лицами, состоящими в маргинальной социальной позиции и позиции закононепослушания; выраженной позицией отчуждения от законопослушных; отношением

к работе и труду как к обременительной необходимости, насильственной необходимости, агрессией на тех, кто указывает на закон, на добропорядочность и лояльность как норму поведения» [3, с. 155].

Основополагающим теоретическим подходом при изучении личности, в том числе осужденных, является концепция феноменологии развития и бытия личности [6]. В соответствии с данной концепцией, механизмы *идентификации* (с обществом, социальными ценностями, другими людьми) и *обособления* лежат в основе развития личности. Эти механизмы взаимосвязаны между собой. Крайняя форма обособления – *отчуждение*, когда человек не просто испытывает потребность почувствовать себя самостоятельной и значимой личностью или желание уединиться и побыть одному, а когда окружающие становятся для него всего лишь объектами или препятствиями на пути к достижению личностно значимой цели. Преступления, совершенные осужденными к пожизненному лишению свободы, – это проявление полного (как называет Валерия Сергеевна, абсолютного) отчуждения от общества, норм права и морали от людей, которые стали жертвами преступлений. Вместе с тем, отмечает профессор, назначая преступникам наказание в виде пожизненного лишения свободы, общество отвечает им тем же – абсолютным отчуждением [3, с. 32]. Однако мне представляется, что последнее утверждение носит дискуссионный характер. Приговор к высшей мере наказания – смертной казни – это, несомненно, абсолютное отчуждение обществом преступника. А пожизненное лишение свободы – это хоть и суровое наказание, но оно дает шанс на жизнь, а возможно, и условно-досрочное освобождение по отбытии 25 лет неволи [7].

Впервые в русле феноменологического подхода Валерией Сергеевной было описано несколько типологических особенностей осужденных за убийство: корыстные преступления или преступления стяжательства (сребролюбие и вещелюбие) [3, с. 35–50]; преступления необузданного гнева и помраченного сознания [3, с. 51–63]; а также преступления, совершенные социопатами [3, с. 64–95]. Анализируя психологические особенности первой категории осужденных, Валерия Сергеевна подчеркивала: «Убийства, совершаемые в ходе грабежей, относят к инструментальной агрессии. Истории некоторых хищений ужасают. В азарте корысти присвоение чужого добра ненасыщаемо» [3, с. 41].

Анализируя психологический механизм совершения преступлений второго типа, автор отмечала: «Ненависть к ближнему вспыхивает у таких людей спонтанно, порой по незначительному поводу. Короткий путь от ровного психического состояния до помрачения сознания объясняется эмоциональной неводержанностью, которая в мгновение ока нарастает до все уничтожающей агрессии» [3, с. 53].

Обсуждая особенности поведения социопатов, автор писала: «Социопат, в крайнем своем проявлении – это агрессивный, предсказуемо опасный субъект, который движется к своей цели как сомнамбула, не видя перед собой никого и ничего, все предстает перед ним как фон. Однако он зорко следит за вожденной целью. Психопат отчужден от других людей, в высшей степени

Особенности поведения социопатов

он лишен психического органа, ответственного за сочувствие, сопереживание, идентификацию и понимание» [3, с. 93].

Понимание психологических особенностей данных типов преступников способствует совершенствованию психопрофилактической и психокоррекционной работы с осужденными, совершившими убийство людей.

Представляется, что главный вклад Валерии Сергеевны в развитие пенитенциарной психологии – это углубленное изучение психического состояния осуж-

Изучение психического состояния и факторов, влияющих на его динамику

денных к пожизненному лишению свободы и факторов, влияющих на его динамику. В этом плане можно говорить об определенном сходстве обсуждаемой монографии с книгой «В тюрьме: очерки тюремной психологии» М. Н. Гернета [8], известного российского юриста, заслуженного деятеля науки, лауреата Сталинской премии.

Еще в 20-е годы прошлого века Михаил Николаевич писал о своей небольшой по объему, но весьма значимой для пенитенциарной психологии книге: «Не спертый и тяжелый дух в тюремной камере, не количество воздуха, приходящееся на арестанта, интересует автора этих строк, а живая душа человека, заключенного в тюрьму, с особенностями его переживаний за высокими стенами, за крепкими дверями, под охранной внутренней и внешней связью» [9, с. 3]. И далее: «Под психологией тюремного заключения мы понимаем характеристику переживаний, связанных со всеми особенностями тюремного режима» [Там же, с. 7]. Таким образом, Валерия Сергеевна продолжала развивать прогрессивные научные традиции изучения психологии осужденных. Она писала: «Для меня важно, что происходит с человеком, осужденным за совершение насильственных преступлений, помещенным в условия пожизненной изоляции» [10, с. 167]. Она же и отвечала, что такой человек постоянно находится в состоянии повышенного эмоционального напряжения или стресса, ибо его организм и социально сформированные свойства должны приспосабливаться, чтобы выжить в этих условиях. И первый фактор, который может вызывать состояние стресса, – это совершенное им преступление. **«Факт совершения насильственных преступлений»** является не только результатом генотипа, социальных условий и особенностей внутренней позиции самого преступника, но и новым, из ряда вон выходящим **условием, трансформирующим и деструктурирующим личность»** [Там же, с. 100]. Несмотря на действие механизмов психологической защиты (вытеснение, самооправдание и др.), у осужденных пожизненно преступников поддерживается стресс «тяготой преступления и в конечном итоге – ужасом перед содеянным. За преступником следуют проклятия жертв и горестные страдания их собственных матерей и отцов» [Там же, с. 100].

Валерия Сергеевна отмечала, что состояние стресса преступника вызвано и другими факторами: арестом, злостью, что не удалось скрыть следы преступления,

Факторы состояния стресса преступника. Застывший стресс

досудебным разбирательством, ожиданием приговора суда и судебным решением, а также условиями отбывания наказания. Автор писала: «К условиям существования, которые определяют физическое и психическое самочувствие осужденного следует отнести:

1 – строгий режим; 2 – бедность предметного мира; 3 – сенсорную депривацию; 4 – скученность на малом пространстве; 5 – специфические уставные формы общения администрации и охраны с заключенными» [10, с. 101]. Валерия Сергеевна тщательно описывала указанные выше условия (факторы), которые вызывают состояние стресса у осужденных. Особое внимание обращается на то, что осужденный к пожизненному лишению свободы лишен возможности иметь будущее, которое он мог бы изменить, строить свою судьбу. Он лишен возможности *планировать* свою жизнь, распоряжаться ею. Осужденный депривируется постоянно, прежде всего ежедневным воспроизведением одних и тех же, раз и навсегда заданных внешних условий. Данные условия существенно не меняются, и стресс как бы запрограммирован в процессе всего срока отбывания наказания. Такой растянутый во времени стресс автор монографии предложила назвать **застывшим стрессом**, или **застывшим аффектом** [3, с. 181]. Важно подчеркнуть, что это не просто новый термин, а новый феномен, открытый В. С. Мухиной, который обогащает пениitenciарную психологию и практику ресоциализации осужденных.

Еще один психологический феномен, который ранее многими фиксировался, но до исследований профессора В. С. Мухиной не получил должной научной проработки. Так, еще М. Н. Гернет в указанной выше работе

Тюремный аутизм

в разделе «Мысль в тюрьме» отмечал, что осужденные мечтают в тюрьме прежде всего о том времени, которое наступит после отбытия срока наказания, при этом может наступить момент, когда его жизнь превращается в одно сплошное фантазирование [9, с. 76]. Но когда наказание пожизненное, писала В. С. Мухина, то ощущение бесперспективности жизни «тянет вниз». Многие осужденные «уходят в себя», они начинают строить особый внутренний мир, особое иллюзорное пространство, в котором проживают бесконечные часы и дни. Они уходят в видения, в грезы. Валерия Сергеевна вслед за Э. Блейлером (1911) назвала это состояние **аутизм** и сделала вывод: «Исследование специфики психических состояний пожизненно заключенных привело нас к убеждению в том, что аутизм сопутствует человеку в долговременных экстремальных обстоятельствах жизни» [3, с. 185]. Другими словами, феномен аутизма свойствен не только осужденным к пожизненному лишению свободы, а любому человеку, который длительное время находится в экстремальной ситуации.

Для пениitenciарной психологии и практики исполнения наказаний весьма значимыми являются исследования и выводы Валерии Сергеевны о влиянии профессиональной деятельности сотрудников исправительных учреждений, их длительного и ролевого общения с осужденными на эмоциональное выгорание и взаимоотношения с лицами, отбывающими наказание [Там же, с. 137, 398–412]; о работе психологической службы ФСИН России и, в частности, о работе психологов как с осужденными, так и с персоналом исправительных учреждений [Там же, с. 332, 399, 410–417, 426]. Но это объемные и самостоятельные проблемы, которые требуют отдельно обсуждения.

Влияние профессиональной деятельности на сотрудников исправительных учреждений

Завершая статью, хочу отметить, что Валерия Сергеевна Мухина вошла в пени-тенциарную психологию не только как известный ученный, внесший достойный вклад в изучение личностных особенностей особой категории осужденных – отбывающих наказание пожизненно, но и как **психолог-практик**. Она сумела установить доверительные отношения, отношения взаимопонимания с *абсолютно отчужденными преступниками* (термин Валерии Сергеевны), пусть и с относительно небольшим количеством (по ее данным, она постоянно работала примерно с 20 осужденными); она смогла принять их такими, какие они есть, способствовала снижению их отчужденности от других людей, осознанию причин, толкнувших на совершение чудовищных преступлений, вела к вере, к Богу, поддерживала силу духа, надежду на будущее, помогала осознать смысл необходимости жить, терпеть кару, не нарушать режим; в очередной раз «вытаскивала» кого-то из деструктивного состояния. Известен пример, когда даже родная мать отказалась от сына-изверга, но Валерия Сергеевна написала ей письмо, нашла нужные слова, чтобы мать дала сыну еще один шанс на возрождение. Вовлечение в интеллектуальную, творческую деятельность клиентов – это один из главных принципов работы профессора В. С. Мухиной как практического психолога. Она вовлекала осужденных в выполнение таких видов работы, как перевод статей, чтение духовной литературы, описание и анализ жизненного пути, подготовка отзывов на статьи в рубрике «Пожизненно осужденные: мотивация к жизни» в журнале «Развитие личности», участие в дискуссии «За смертную казнь – против смертной казни», обсуждение текущих значимых событий в камере и в личной жизни осужденных, переписка с девиантными подростками, чтобы на личном примере убедительно показать, к чему ведет отчуждение от социальных ценностей и установленных правил поведения, а также развитие идентичности, чувства персональной ответственности за судьбу ребенка.

По содержанию писем осужденных, по форме обращения к Валерии Сергеевне и пожеланиям в ее адрес можно судить об отношении к профессору. Такие письма приводятся и в журнале «Развитие личности», и в монографии. Вот некоторые обращения и пожелания из писем братьев Гоши и Саши, опубликованные в журнале «Развитие личности» [1, с. 157–159].

Типичные обращения: «Дорогая наша Валерия Сергеевна! С Рождеством Христовым! С Новым 2016 годом! С Днем рождения! Поздравляем Вас с этими чудесными, светлыми зимними и по-своему сказочными праздниками и с Вашим Днем рождения!».

Типичные обращения осужденных после работы с Валерией Сергеевной

«Очень рады были услышать Ваш родной и материнский голос 5 июля с. г. [После отбытия десяти лет лишения свободы осужденным разрешены переговоры по телефону – прим. автора]. Обрадовались Вашему сообщению, что посетите нас в сентябре, а еще обрадовались, что 20 июня Вы поедете с Даней плескаться на море и хоть чуть-чуть отдохнете. В конце концов, нельзя же постоянно отдавать себя другим, надо чуть-чуть подумать и о себе, отдохнуть и пообщаться с внуком.

Спасибо Вам, милая и родная моя Валерия Сергеевна, всегда помню Вашу любовь и доброту, Саша».

Типичные пожелания: «Прежде всего, желаем Вам крепкого здоровья, бодрого духа, с сердечной радостью встретить светлый праздник Рождества Христова, чтобы Христос всегда помогал Вам во всем, был в Ваших мыслях, и всех благ от Богомладенца Христа и Его Пречистой Матери! Будьте счастливы, дорогая наша, незабвенная московская Мамочка Валерия Сергеевна!»

Типичные пожелания осужденных после работы с Валерией Сергеевной

«Еще раз поздравляем Вас, дорогая Валерия Сергеевна, милая наша и родная, с Рождеством Христовым и с Богоявлением – Крещением Господним! С Вашим Днем рождения! Пусть Вас не смущают годики – Вы вступили в возраст истинной человеческой мудрости! Главное, что Вы душой молоды! С искренней сыновней любовью и молитвами о Вас, Ваши Гоша и Саша».

Аналогичны обращения и пожелания других осужденных.

Об отношении к Валерии Сергеевне, востребованности и эффективности ее работы можно судить по результатам анкетирования осужденных, которое проводилось по инициативе администрации исправительной колонии. Надо отметить, что Валерию Сергеевну и меня как руководителя психологической службы ФСИН России в тот период не поставили в известность. Заполненные осужденными анкеты ей уже передали при очередном посещении участка для осужденных к пожизненному лишению свободы. И, хотя эти действия она посчитала неэтичными – оценивать ее работу, все заполненные осужденными анкеты Валерия Сергеевна опубликовала в журнале «Развитие личности» и монографии. Опрошенные осужденные дали высокую оценку ее работе. В качестве примера приведу анкету лишь одного подопечного Валерии Сергеевны, но во многом они достаточно схожи, хотя заполнялись осужденными, содержащимися в разных камерах.

Об отношении к ученому можно судить по результатам анкетирования осужденных

Отвечает Сергей Х. (4.) 16.03.2007

1. С какого времени Вы начали работать с В. С. Мухиной?

Точно не помню, где-то в 2001–2002 г.

Пример анкетирования осужденного пожизненно

2. Что Вы ожидали от встреч с В. С. Мухиной?

Очень многого, это так просто не объяснить. Начну с того, что я искренне привязался к Валерии Сергеевне. Каждая встреча – это радость, это новости, это

искреннее общение двух людей, которые с полуслова понимают друг друга.

3. Как влияют на Вас, Ваше эмоциональное состояние посещения В. С. Мухиной?

Очень положительно. Если до этого было угнетенное состояние, депрессия, то во время посещения и после настроение становилось праздничным, хандра куда-то улетучивалась, хотелось писать, сочинять стихи, раскрашивать и оформлять открытки. Жизнь уже не казалась такой потерянной, серой и беспросветной.

4. Что Вы ожидаете от этих встреч?

Теплого, открытого, душевного общения, даже на самые сокровенные темы, которые и сокамерникам не доверишь в силу ряда причин. Валерия Сергеевна всегда поможет и поддержит словом и добрыми делами. Таких Людей, с большой буквы, очень мало.

5. Пересмотрели ли Вы свою жизнь и свои поступки после общения с В. С. Мухиной?

Да, многое. Постепенно я стал во многом подражать Ей. Например, мне нравится, как во время наших бесед она рассуждает на ту или иную тему. Она буквально за уши подтягивала меня до своего «академического» уровня общения из болота моего тюремного «арго».

6. Согласны ли Вы на дальнейшее сотрудничество с В. С. Мухиной?

Да! Конечно! Молю Господа Бога, чтобы Он даровал крепкое здоровье Валерии Сергеевне, Леониду и всем их коллегам по работе! Очень рад встрече. Она нам как Мама [3, с. 482–483].

Валерия Сергеевна неоднократно выступала на международных и всероссийских конференциях, на которых докладывала результаты своей работы с осужденными. Ее доклады всегда вызывали большой интерес у специалистов, способствовали снижению распространенности представлений о бесполезности индивидуальной профилактики, тем более психологической помощи лицам, совершившим тяжкие преступления (теория «клеяния» или «социальных ярлыков»). ФСИН России ценила сотрудничество с Валерией Сергеевной. Она награждена Серебряной и Золотой медалями Министерства юстиции Российской Федерации «За вклад в развитие уголовно-исполнительной системы» (2005 г. и 2015 г.).

*Работа В. С. Мухиной
была оценена ФСИН
России*

Поздравления Валерии Сергеевны сотрудниками ФСИН России на заседании Ученого совета МПГУ по случаю ее 80-летия. Вручение Золотой медали Минюста России «За укрепление уголовно-исполнительной системы» (Серебряной медалью Валерия Сергеевна была награждена в 2005 г.)

1. Мухина В. С. Психологическая и социальная помощь осужденным пожизненно // Развитие личности. 2016. № 3. С. 139–164.
2. Мухина В. С. Проблема материнства и ментальности женщин в местах лишения свободы // Развитие личности. 2003. № 1. С. 141–153.
3. Мухина В. С. Отчужденные: Абсолют отчуждения. М., 2009.
4. Ратинов А. Р. К ядру личности преступника // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1981. С. 67–86.
5. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Г. Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996.
6. Мухина В. С. Феноменология развития и бытия личности. Воронеж, 1999.
7. Статья 79, п. 5 // Уголовный кодекс Российской Федерации на 2025 год. М., 2024.
8. Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. 2-е изд. М., 1956.
9. Гернет М. Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии. М., 1925.
10. Мухина В. С. Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. 2002. № 4. С. 100–113.

References

1. Mukhina V. S. Psikhologicheskaya i sotsial'naya pomoshch' osuzhdennym pozhiznenno. *Razvitie lichnosti* [Development of Personality]. 2016. No. 3. Pp. 139–164 (in Russian).
2. Mukhina V. S. Problema materinstva i mental'nosti zhenshchin v mestakh lisheniya svobody. *Razvitie lichnosti* [Development of Personality]. 2003. No. 1. Pp. 141–153 (in Russian).
3. Mukhina V. S. *Otchuzhdennye: Absolyut otchuzhdeniya*. Moscow, 2009 (in Russian).
4. Ratinov A. R. K yadru lichnosti prestupnika. *Aktual'nye problemy ugovnogo prava i kriminologii*. Moscow, 1981. Pp. 67–86 (in Russian).
5. Antonyan Yu. M., Enikeev M. I., Eminov V. G. *Psikhologiya prestupnika i rassledovaniya prestuplenii*. Moscow, 1996 (in Russian).
6. Mukhina V. S. *Fenomenologiya razvitiya i bytiya lichnosti*. Voronezh, 1999 (in Russian).
7. Stat'ya 79, p. 5. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii na 2025 god*. Moscow, 2024 (in Russian).
8. Gernet M. N. *Istoriya tsarskoi tyur'my: v 5 t. 2-e izd*. Moscow, 1956 (in Russian).
9. Gernet M. N. *V tyur'me: Ocherki tyuremnoi psikhologii*. Moscow, 1925 (in Russian).
10. Mukhina V. S. Pozhiznenno zaklyuchennye: motivatsiya k zhizni. *Razvitie lichnosti* [Development of Personality]. 2002. No. 4. Pp. 100–113 (in Russian).

